

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

МОЯ первая встреча с этим актером оказалась очень впечатляющей. Это был Савинков в исполнении Самойлова в фильме «Крах».

Владимир Самойлов играет Савинкова серьезно, выразительно, с обычным для него стремлением к укрупнению характера, с жесткой, резкой четкостью, оставляющей впечатление внутренней сухости, играет, неотрывно приковывая к себе внимание.

— Интересно узнать, Владимир Яковлевич, совпадал ли ваш замысел с образом, который вы воплотили на экране?

— Нет.

— Что нет? — спрашиваю я.

— Не было замысла, — улыбаясь, говорит актер. — В этом фильме я готовился к роли Шершени. А Савинкова должен был играть другой актер. Во всяком случае так предполагалось. И только случай все изменил. Кстати, это уже второй раз в моей практике. Так было в фильме «Секретарь обкома», где я был приглашен на роль Владычина, а сыграл Денисова.

— Владимир Яковлевич, не видите ли вы сами в этом некоторую закономерность? Я не могу утверждать, но мне кажется, что все дело в вашей тяге к характерам крупным, значительным, даже масштабным. К этому стремится актер во всех своих работах. И не только в кино, а, может быть, еще ощущаемее в театре.

Среди героев Самойлова чаще всего встречаются люди сильные, обладающие энергией действия, не склонные к пассивному самосозерцанию; были добрые и злые, уродливые и красивые, обаятельные и подлые, но всегда обязательно умные.

Его первая роль на столичной сцене в Театре имени Вл. Маяковского — Великатов в спектакле «Таланты и поклонники», поставленном М. Кнебель. Великатов Самойлова — значительная фигура, недюжинная личность. Он умен, скепти-

чен, быстро и безошибочно разбирается в людях.

Для Коперника — Самойлова (пьеса Ежи Брошкевича «Конец книги шестой», поставленная А. Гончаровым и Е. Радомысленским) истина превыше всего, тяга к знанию все пересиливает. Сложность взаимоотно-

которой связана судьба не только Мартина Гроу, а в общем многих людей. И вот это... быть верным себе, несмотря ни на что, или даже так, как у самого Мартина Гроу, позволив себе пойти на ряд компромиссов, потом все-таки стать человеком честным.

го надо проникнуть в глубину человеческого характера, осмыслить его и тогда уже от его лица, пропустив через себя, совершать те или другие поступки.

Самойлов вынашивает роль до тех пор, пока играть ее не становится совсем легко, пока не уходит

она раскрывает и настраивает! А еще море, шаланды... Беспредельное, безграничное море, оно открывает в душе все лучшее... Не знаю... Во всяком случае так происходит со мной. Природа всегда помогает мне выявить в себе какие-то затаянные нюансы чувств, и не только помогает, она создает атмосферу. Да, природа и искренность, как мне кажется, те два качества, которые необходимы актеру, они могут что-то определить, подсказать. Что-то почудится, померещится, промелькнет — исчезнет. Но что-то явится и останется.

Но как бы длителен ни был процесс подготовки к роли, актер все равно должен оставаться импровизатором, все равно должен быть готов к тому, что, очутившись в душевном мире своего героя и приняв его обличье, он встретится с такими обстоятельствами, в которых решать, как поступить, надо будет, только основываясь на своей способности к мгновенной реакции.

Для Самойлова процесс создания образа, надо полагать, и является делом его художнического долга, способом познания современности и методом пропаганды наших взглядов на жизнь и человека. Актер не растворяет в образе свою индивидуальность, а сохраняет ее почти неизменной.

— Владимир Яковлевич, хотя вы считаетесь актером театральным, широкую известность вам принес экран. Интересно, могли бы вы ради кино изменить театру?

— Из театра я не уйду не из-за какой роли.

— А что волнует вас, кроме театра?

Владимир Яковлевич отвечает сразу.

— Кроме театра? — задумчиво повторяет он. — Кроме театра, волнует многое, но так, как театр, пожалуй, ничто...

Беседу вел
Кира ЛЕБАНИДЗЕ.

МИР ХУДОЖНИКА ПУТЬ К ОБРАЗУ

ношений гения с обществом, драматизм, что неизменно сопутствует процессу познания, и судьба познающего затронули и возбудили еще одну черту художественной индивидуальности артиста: повышенную чуткость к глубоким философско-драматическим проблемам времени.

Образы, созданные актером, привлекали к себе или отталкивали, но в них никогда не было нарочитой, лобовой демонстрации. Актеру присуща сдержанность во внешнем проявлении чувств и мыслей. Он всегда живет на сцене интенсивно и интересно. И за душой у его героев всегда остается больше того, что мы узнавали за время спектакля.

Неприязнь к однозначности характеров побуждает Самойлова в каждой роли искать психологическую сложность, диалектику души, постигать личность как единство противоположностей. Его герои никогда не действуют по стандарту. Своей необычностью, неожиданно-стью они и привлекают.

Мне захотелось выяснить, что он считал для себя главным в работе над образом Мартина Гроу в пьесе Г. Боровика.

— Здесь мне не столь важен был Мартин Гроу как человек, сколько тема компромисса вообще, тема, с

При встрече с людьми, изображенными Самойловым, зритель непременно узнает старых и давнишних знакомцев, людей, которых он где-то уже встречал, а вот теперь получил возможность познакомиться с ними поближе.

И в своей актерской работе он также делает все для того, чтобы как можно лучше подготовить себя к образу, чтобы не оказаться чужаком в том мире, в котором придется жить. Это стремление как можно глубже проникнуть в душу своего героя. Это стремление в будущем персонаже почувствовать себя так же удобно, так же легко и привычно, как в жизни.

Самойлов всегда достоверен и умеет заразить достоверностью партнеров. Чувство правды, или, точнее говоря, доподлинности изображаемого характера, постоянно главенствует в том, что делает Самойлова. Он совершенно не способен играть формальный, внешний и подсказанный ему режиссером сценический рисунок. Характер в большинстве его ролей возникает как бы внутри его, в нем самом.

— Суть нашей профессии — рассказывать людям о людях. Но для того, чтобы этот рассказ был убедительным, люди должны быть достоверны. А для этого прежде все-

куда-то в сторону ощущение преодоленных трудностей и приложенных усилий. Поэтому всегда кажется, что он не играет роль, а существует в ней, продолжает в ней жить совершенно так же, как живет в жизни, за пределами театра.

— Для актера, — говорит Самойлов, — его запасом красок, жизненных подробностей, интонации и жестов должна быть память. Память, иначе говоря, должна быть вторым талантом актера. Дело здесь не только в том, чтобы уметь получать впечатления, но и в том, чтобы всегда их «находить» под рукой, сохранять их свежесть и остроту.

Почему-то, смотря на Владимира Яковлевича, я вижу море, шхуну, сильных, крепких, загорелых людей и обязательно солнечный день. Мне еще непонятно, почему он вызывает во мне такие ассоциации, как вдруг слышу:

— А вы знаете, что такое дождь? Слышали вы когда-нибудь, как он разговаривает? О, у него особый язык, сколько в нем настроений и оттенков!.. Как это прекрасно: дождь... солнечный, теплый дождь... лужи... и еще... Ну, босолапость, что ли... Понимаете? Да нет, это может понять только человек, который знает и чувствует землю. Как